

Валентин Головин

**«ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ КАЖДОГО ДНЯ»:
КАЛЕНДАРЬ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО И
СОВЕТСКОГО ДЕТСТВА. РЕЦ. НА КН.:
КОСТЮХИНА М. КРУГЛЫЙ ГОД: ДЕТСКАЯ
ЖИЗНЬ ПО КАЛЕНДАРЮ. М.: НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2024**

В рецензии на монографию М. С. Костюхиной «Круглый год: детская жизнь по календарю», вышедшую в издательстве «Новое литературное обозрение» в 2024 г., охарактеризованы содержание и структура исследования, высказываются замечания и вопросы. Автор рецензии положительно оценивает результат исследования, подчеркивает его объем и широту охвата материала — М. С. Костюхина рассматривает историю детских календарей XIX и XX вв. и оригинально её интерпретирует. Рецензент отмечает спорность некоторых интерпретаций, отдельные фактические неточности, но отдает должное увлеченности автора, динамизму повествования, неожиданным ракурсам и подходам к теме детских календарей. Различные формы и жанры печатных календарей (настольные, настенные, отрывные, универсальные, тематические, изданные в виде альманахов и прочие) рассматриваются автором монографии в контексте детской жизни во всех её аспектах. Особое внимание автор книги уделяет советскому периоду, причем не только анализирует календари, но и осмысляет категорию времени применительно к жизни детей в ту эпоху в целом.

Ключевые слова: культура советского детства, детская литература, детский календарь, М. С. Костюхина

В книге петербургской исследовательницы Марины Костюхиной более пятисот страниц, и в этом случае большой объем вполне оправдан, потому что чрезвычайно велик и сам предмет рассмотрения. Монография посвящена истории детских календарей, охватывающей два с лишним столетия, с обширными экскурсами в календарную литературу в целом и календарную феноменологию.

Как любое обширное и насыщенное фактами исследование, «Круглый год» Марины Костюхиной вызывает живой отклик и множество вопросов. Начиная знакомство с книгой с фрагмента, описывающего календари XVIII в., невольно вспоминаешь о детской литературе той эпохи, которой предписывалось соединять «приятное с полезным». Автор пишет динамично, погружая читателя в поток разнообразной историко-культурной информации, переходя от одной эпохи к другой, и заканчивает свои изыскания началом XXI в. Различные формы и жанры печатных календарей — настольные, настенные, отрывные, универсальные, тематические, изданные в виде альманахов и прочие — анализируются и рассматриваются в контексте детской жизни во всем её разнообразии. Говоря о бытовании календарей в семейном и школьном обиходе, в среде сверстников, автор ставит своей целью показать, как создатели календарей пытались формировать календарное сознание своих читателей. «Представление о календарном годе как упорядоченной смене времени (дней, недель, времени), дат и событий — одна из основополагающих культурных категорий, — отмечает Костюхина. — Были эпохи, когда печатного календаря, доступного для детей, не существовало вовсе... потом появился детский календарь и стал определять не только время и хронологию, но и систему ценностей и жизненных правил» [Костюхина 2024, 12]. Исследовательница обращает внимание на тот факт, что детский календарь всегда стремился представить нормативную рамку детской жизни, не столько задавая, сколько транслируя и утверждая эту нормативность, а в определенные исторические периоды и играл роль

«плацдарма политической пропаганды». Календарные представления тесно связаны с детским мировоззрением, и автор показывает, как печатный календарь врывается в детский обиход, будучи призван, по мнению его создателей, в иные эпохи авторитарно назидать, а в иные — обучать и развлекать, ненавязчиво прививать своему читателю календарную культуру.

Автор «Круглого года» глубоко вникла в историю создания календарей и критически представила их споспешивателей — составителей, критиков, педагогов, литераторов. Прагматика «календаристов» всякого рода отчетлива и прямолинейна. Но, как кажется, дореволюционный издательский процесс (в том числе и выпуск детских календарей) был преимущественно коммерческим предприятием, а с тридцатых годов XX столетия стал проектом идеологическим, и в том, и в другом случае сохраняя свое дидактическое начало. Впрочем, о коммерции и гонорах не следует забывать и тогда, когда речь идет о советском времени. Костюхина представляет «обойму» авторов-завсегдатаев детских календарей и весьма задиристо ее осмысляет. Стать календарным поэтом — дело престижное и статусное: кроме получения гонорара, литератор вполне мог попасть в когорту хрестоматийных авторов.

Предпринимая обширный исторический экскурс, исследовательница подчас бывает излишне категорична, а временами и не вполне точна. Так, некоторым преувеличением представляется нам высказанное во введении утверждение, что «были эпохи, когда... детство прекрасно обходилось без перечня дней и списка памятных дат» [Там же]. По нашему мнению, эти эпохи относятся, скорее, к жизни неандертальцев и синантропов, поскольку уже на самых ранних этапах развития истории человечества промысловые и аграрные практики формировали календарное сознание, и дети, как часть общества, не были исключением. С приходом христианства порядок религиозного, культурного, хозяйственного цикла и соответствующую ему матрицу поведения стали формировать святцы, которые в сочетании с аграрным календарем образовали, по выражению И. П. Калинского, одного из первых исследователей русской календарной традиции, «церковно-народный месяцеслов» [Калинский 1877]. В эту традицию, разумеется, были включены и дети, которые прекрасно знали и исполняли свою роль не только в праздничные периоды, но и в жизненных обстоятельствах, участвуя в различных профессиональных занятиях взрослых (промыслах и т. д.). Впрочем, автор обращает внимание на то, что «значительная масса неграмотных детей жила по устному народ-

ному календарю, где сезонные приметы были привязаны к дням поминовения святых» [Костюхина 2024, 339], но говорит об этом скорее как о календарном знании, а не календарном мировоззрении. Далее утверждается, что «дети, владевшие грамотой, узнавали календарь и хронологию из общеупотребительных месяцесловов, издававшихся брошюрами (с постраничным делением по месяцам) и печатными листами большого формата (на целый год)» [Там же, 63], и «первым и долгое время единственным в своем роде был „Месяцеслов к сведению и пользе юношества, воспитывающегося в Императорском Сухопутном Шляхетном Кадетском Корпусе на 1777 год“» [Там же, 64]. Это явная неточность — во-первых, дети были хорошо знакомы с календарной традицией святцев, формировавшейся всем укладом — от семейного быта до церковных служб, во-вторых, во многих крестьянских избах наряду с лубками о блудном сыне и похоронах кота мышами висели печатные лубочные месяцесловы и календари, которые «с XVIII века издавались массовыми тиражами и получили широкое распространение во всех слоях общества» [Кривко, Лосева 2012, 74]. Поэтому объяснять запоздалое появление в России детского и школьного календаря с функциями численника только низким уровнем грамотности не совсем верно. У большей части населения был свой календарь и измерялся он постными и скоромными днями, Пасхой, Рождеством, святками, Покровом, Масленичной и Фоминой неделями и другими датами — как фиксированными, так и переходящими.

Достаточно подробно М. Костюхина описывает историю бытования взрослых календарей. В посвященном им разделе наиболее интересными нам показались частные замечания и наблюдения, например, о том, чьи изображения лидировали в качестве иллюстраций на календарных стенках в период Первой мировой войны [Костюхина 2024, 40], или о реакции фельетонистов на календарный издательский бум. Однако, рассматривая первые опыты советского календарного дела, автор допускает ошибку, утверждая: «Декрет о печати, вступивший в полную силу с осени 1919 года, поставил все частные издательства вне закона» [Там же, 49]. Если бы это было так, то изрядного количества частных издательств, работавших до конца 1920-х гг., не существовало бы. Заметим, что в этой части книги неточностей особенно много. Например, автор пишет: «Так, в 1937 году, когда вся страна торжественно отмечала 100-летие со дня гибели Пушкина, был подготовлен и напечатан Пушкинский календарь, а 150-летие со дня рождения поэта в 1949 году прошло незаметно, без выпуска календарей и торжественных мероприятий.

В первом случае обличалась жестокая сущность царизма, убившего великого поэта, а во втором случае идеологическая подоплека не казалась очевидной, так что Пушкинский календарь был не нужен» [Там же, 53]. Такому категоричному утверждению противоречат многие факты, в том числе и календарные. Не Госполитиздат, а кондитерская фабрика имени П. А. Бабаева выпускает в 1949 г. календарную стенку и прикрепленный к ней помесячный календарь с иллюстрациями к произведениям поэта — сувенирный ежемесячный детский календарь на 1950 г. «Произведения А. С. Пушкина» [Календарь 1949]. Этот календарь мог вкладываться в «сладкий подарок» и использовался как елочная игрушка.

Обзорно рассмотрев взрослые календарные практики, автор обращается к главному объекту исследования — детским и школьным календарям. Остановившись на вышеупомянутом «Месяцеслове» XVIII в., Костюхина сразу переходит к последней четверти XIX в. — времени календарного бума, уделяя внимание наиболее известным изданиям М. Вольфа, О. Кирхнера, И. Сытина и календарям, составленным известной детской писательницей К. Лукашевич. Объявив о сходстве календарей этого периода, автор раскрывает их содержание, выявляет специфику изданий, рассматривает примеры коммуникации издателей и составителей с пользователями календаря. Не подозревая, что в книге ещё встретятся отдельные параграфы, посвященные разным типам дореволюционных календарей для детей юношества, несколько удивляешься обзорности раздела, но удивление уходит, когда дочитаешь книгу до конца.

История детских календарей советского времени представлена в книге, на наш взгляд, более интересно, объемно и фундаментально, чем прочие периоды. Так, в разделе «Советская эпоха детского и школьного календаря» дан интереснейший экскурс в историю советских календарей. Автор представляет не только содержательные новшества в изданиях для детей, но и освещает позиции составителей, их дискуссии, весьма интересно рассуждает о статусе календаря в семейной и общественной жизни (на наш взгляд, иногда гипертрофируя его роль), связывает эволюцию календарей с пионерским движением, характеризует разные типы календарей. В разделе «Космос и социум в детском календаре» рассматривается соотношение сведений о природе и социальном порядке, репрезентированных в календарях, раскрывается связь этого соотношения с педагогическими и идеологическими установками эпохи. «Так, для педагогов русской антропологической школы XIX века мир русской природы при воспитании ребенка обладал безусловным

приоритетом, в советской практике 1930–1950-х годов господствовал красный день календаря с его социальной тематикой, а для культуры позднего советского времени характерно предпочтение природной тематики, представленной в занятиях школьным туризмом и экологической деятельностью» [Костюхина 2024, 107]. Интересны наблюдения автора по поводу того, как менялась в календарях представленность «детского времени», к которому в советские годы относятся «наступление учебного года и сроки каникул, дни рождения детских писателей и знаменитых педагогов, даты из истории детских организаций и молодежно-общественных движений, дни памяти-пионеров героев, юбилеи детских газет, журналов и популярных книг, детские праздники и мероприятия» [Там же, 104]. В ярком и содержательном параграфе «Искусство слова на отрывной странице» Костюхина показывает, как формировался круг текстов, попадавших на страницы календаря, как автор становился «календарным» (например, В. Лебедев-Кумач) и как публикации в календарях давали возможность проникнуть в печать произведениям писателей не вполне «благонадежных» или начинающих (И. Токмакова, В. Голявкин, Г. Цыферов, В. Берестов, Г. Снегирев, Э. Мошковская и др.). Опираясь на воспоминания и другие документы советской эпохи, исследовательница раскрывает календарную «кухню», описывает процесс отбора словесного материала, указывает на его неизбежную трафаретность. Приводятся здесь и анекдотические случаи подгонки литературных текстов под нужные торжественные даты — так, в рассказе В. Голявкина «Рыцари» дети готовят подарки мамам не на 8 марта, как это было в оригинале, а к 7 ноября, Дню Великой Октябрьской социалистической революции.

Несколько озадачивает возвращение в прошлое, которое предлагает нам совершить автор «Круглого года» в главе «Царские дни календаря», следующей за главой о советской календарике. Стоит сказать несколько слов о структуре книги — она представляется излишне усложненной, местами неоправданно хронологичной. Названия параграфов подчас синонимичны: «Печатный календарь и идеология»; «Календарь для идейных товарищей»; «Детский календарь и коммунизм»; «Политический курс и школьный дискурс календаря». Близость названий часто оборачивается близостью содержания, повторами и повторениями как в интерпретациях, так и в изложении фактов (например, сцена крушения царского поезда упоминается четырежды в разных разделах). Что касается раздела о «царских днях», то сам по себе он вполне

уместен и восполняет недосказанность истории дореволюционных детских календарей. Автор раскрывает роль феномена тезоименитства в формировании календарного текста, тщательно разбирает риторику, к которой прибегают составители календарей, беседуя с детьми о царствующих особах. Костюхина пронизательно отмечает курс на либерализацию образа властителя и августейшей семьи, показывает, благодаря каким сюжетам и деталям он изображается как «друг народа», жалостливый, заботливый и «очень простой» человек, который входит во все нужды своих подданных и не обинуясь беседует с простолюдинами. Так выстраивается формула образа монарха, сочетающего уникальную доброту и заботу с царским величием, что должно было вызвать у читателя-ребенка и сопереживание, и благоговение по отношению к царю и членам его фамилии. Очень интересен этюд о календарных описаниях 19 февраля — Дня Великой реформы, изменившей отечество и забытой сейчас. Но совершенно не убеждает утверждение Костюхиной: «Ревизия либеральных реформ, проводимая Александром III, коснулась в том числе мероприятий в честь 19 февраля. Был издан указ, запрещающий празднование 25-летия отмены крепостного права, а в печати не рекомендовалось упоминать эту дату» [Там же, 138]. Если такой указ (чей именно?) и существовал, что сомнительно, то следовало бы дать точную ссылку на источник, но, к сожалению, автор этим пренебрег.

При всей динамичности и фактографической плотности раздела «Классики на службе сезонного календаря», в котором говорится о сезонной и календарной теме в детской поэзии и прозе, увлеченному чтению опять мешает ряд неточностей. Так, например, перевод рассказа И.-Г. Кампе «Четыре времени года» впервые появляется не в «Детской библиотеке» А. С. Шишкова, а в журнале Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума» [Кампе 1785]. С некоторыми умозаключениями исследовательницы хочется поспорить — например, со следующим: «Рассказ „Четыре времени года“ в русском издании сопровождался оригинальными стихами Александра Шишкова на тему зимних и летних забав русских детей („Николашина похвала зимним утехам“). В отличие от беспристрастности немецкого рассказчика, русский поэт воспекает разгул славянских страстей. Пик их не случайно выпадает на зимнее и летнее время с их суровыми морозами или изнуряющей жарой. Что для немца смерть, то русскому ребенку в радость — вот повод для национальной гордости великороссов» [Костюхина 2024, 193]. Трудно сказать, что побудило автора книги к такому пассажиру, поскольку

ку в летней «Песенке на купание» никакого «разгула славянских страстей» нет, а есть только детская шалость — а вот в ее источнике, стихотворении «Badelied» (1778) Ф. Маттисона, романтической страсти хоть отбавляй: «Из волн подняться / Чтобы закричать, / О Божественнорадостные, ваши братья!» [Цит. по: Головин, Николаев 2020, 281].

Переходя к анализу и представлению «Календарей русской природы», автор разворачивает широкую панораму этих изданий, обобщая практически весь отечественный опыт фенологических календарей для школьников. В разделе говорится о первых попытках беллетризовать рассказы о природе, осуществленных отечественным фенологом, профессором Д. Н. Кайгородовым и ученым-популяризатором, писателем С. В. Покровским. Автор показывает, как составители календарей старались развить фенологическое сознание своих читателей и побудить их к природоведческой деятельности. В календарях Кайгородова обширно использовались литературные и фольклорные материалы — стихи, прозаические отрывки, пословицы, поговорки, народные приметы, связанные с тем или иным временем года, в «орнитологических» календарях Покровского, главными персонажами которых были птицы России, соединялись элементы справочно-научного издания с беллетризованным текстом. Существенным представляется наблюдение Костюхиной о том, что синтез этих различных видов и жанров литературы, осуществленный на страницах детского календаря, обширное использование метафорики «было не только художественным приемом, но и отражало натурфилософское мировоззрение русского ученого, видевшего связь между действием природных сил и развитием человека (духовным и физическим)» [Костюхина 2024, 170].

Во второй части книги автор приступает к анализу отдельных типов и видов календарей. Объемный и интересный материал представлен в разделе, посвященном календарям для учащихся дореволюционных школ. Содержание календарей и дневников, охарактеризованное исследовательницей с впечатляющей полнотой, позволяет судить о том, что лидеры календарного бизнеса в России — уже упоминавшиеся Вольф, Сытин и Кирхнер — великолепно ориентировались в запросах гимназистов, предлагая своим читателям интереснейшую смесь «всякой всячины»: от опросных листов до инструкций по ужению рыбы, от описания визитов в театр до санитарных советов. Любопытны сравнения календарей для гимназистов и гимназисток, и хочется выразить сочувствие последним: календари для мальчиков не ограничивали спектр их жизненно-

го пути, а девочек настраивали на быт у семейного очага. «Пока девочки выводили пятна и разводили цветы, мальчишки, сосчитав доходы и отдав долги, учились изготавливать бенгальские огни и делать самострелы», — метко заключает Костюхина [Там же, 193]. Мы видим, как календарно-издательский бизнес, лавируя в бурных водах конкуренции, создал оригинальную и содержательную модель гимназического календаря. Автору исследования можно лишь посоветовать не приписывать филантропические или либеральные идеи Сытину и не слишком доверять его воспоминаниям. Выдающийся книжный магнат, каким был Сытин, великолепно улавливал потребности читателей и умел сотрудничать с любой властью.

А вот в следующем разделе («Календари для земских и церковно-приходских школ») читателям, к сожалению, пришлось столкнуться с некоторой путаницей. Исследовательница начинает изучение календарей для приходских школ, рассматривая преимущественно издание «Школьный календарь: Справочная и записная книжка для преподавателей народных училищ и церковно-приходских школ на 1898–1899 уч. г.». При этом Костюхина, не сославшись ни на один источник, почему-то а) считает его календарем для приходских школ; б) утверждает, что календарь «предназначался одновременно учителям и ученикам» [Там же, 195]. Однако и первому, и второму утверждению противоречит само название календаря («для преподавателей народных училищ и церковно-приходских школ»). Также заметим, что рядовой учащийся сельской церковно-приходской школы вряд ли сумел бы бегло прочесть такой календарь.

Настораживает статистическое лукавство автора. Например, в сноске указано: «Согласно программе народных школ, на религиозное воспитание в количестве трех предметов (Закон Божий, церковнославянский язык и церковное пение) отводилось 12 часов в неделю, а на все остальные предметы, вместе взятые, 15 часов. При таком раскладе часов трудно было рассчитывать на овладение учениками народных школ элементарной грамотностью и счетом» [Там же, 193]. Рассмотрим, действительно ли такого количества часов недостаточно для того, чтобы обучиться грамоте. Помимо непосредственного обучения чтению, входящего в предметы, обозначенные автором как «остальные», с ним были связаны и уроки церковно-славянского языка, на которых велось обучение чтению по книгам гражданской и церковной печати. Пятнадцати часов в неделю, отведенных на занятия письмом и арифметикой, для неподготовленного сельского ребенка, как кажется, вполне доста-

точно и даже многовато (ему еще родителям помогать). Не везде преподавалось и церковное пение, а только там, где была такая возможность.

Излишне категоричным кажется вывод о том, что весьма интересные издания Сытина и школьные календари, составленные Лукашевич, которые имеют близкие названия («Мой друг: Настольный календарь для детей» и «Мой друг: Школьный календарь»), были предназначены именно для земских школ, как утверждает исследовательница: «От церковно-приходских календарей отличались ежегодные издания для учащихся земских школ. Уже само название календаря, „Мой друг: Настольный календарь для детей“, указывало на адресата, отличного от ученика церковно-приходской школы. Да по содержанию он рассчитан на более подготовленного школьника» [Там же, 201]. Но почему только земских школ? А. Ф. Керенский в своих мемуарах (с цитированием официальных источников) приводит следующие цифры: в 1906 г. в России действовало 76 тысяч школ разного типа (земские школы, различные ведомственные и частные школы, церковно-приходские и воскресные школы), где обучалось 4 миллиона учащихся, в 1915 г. — 122 тысячи школ и 8 миллионов учащихся [Керенский 1996, 99]. Такой школьный рынок требовал разнообразной календарной продукции; откликаясь на этот запрос, преуспевали и издатель Сытин, и писательница Лукашевич, выпуская качественные настольные и отрывные календари.

После экскурсии в историю календарей революционного периода и календарей времен Первой мировой войны, автор вновь возвращается в эпоху советскую. Мы знакомимся с очень сложным и интересным материалом, метко названным автором «Раздвоение календаря» и «Непрерывка и школьный календарь». Можно было бы объединить эти главы под заглавием «Детское мучение по календарю». Автор скрупулезнейшим образом рассматривает календарное безумство 1920–1930 гг., когда активно предпринимались попытки соединить старый и новый стили и навязать календарь с обоснованием новых красных дат. Есть тут и параграфы, посвященные литературной рефлексии «старостильцев» и «новостильцев» в анекдотических ситуациях, и изображению прямого идеологического насилия, когда старая календарная матрица наполнялась чрезмерным количеством дат революционных событий и упоминаний революционеров. Календарную анархию иллюстрирует, например, одно из наблюдений автора монографии: «На одной из февральской пятидневок в „Товарище“ указано: 6 февраля 1922 года — декрет

об учреждении ОГПУ ВЧК (карательного органа государственной безопасности), 8 февраля 1918 года — постановление о введении нового календаря, за день до этого дата смерти анархиста Петра Кропоткина (7 февраля 1921), через день — дата смерти Федора Достоевского (9 февраля 1881), на следующий день, 10 февраля, в 1837 году „умер поэт А. С. Пушкин“» [Костюхина 2024, 193]. Наверное, не стоит именовать «Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря от 26.01.1918 г.» «ленинским». Тому есть две причины: поскольку переход на григорианский календарь был осуществлен не Лениным, а готовился в течение предшествующего десятилетия и многие периодические газеты выходили с середины 1910-х гг. с двумя датами (по старому и по новому стилю), а во-вторых, этот декрет издал Совнарком, а не В. И. Ленин персонально.

Календарный сумбур с переходом на непрерывку, то есть на пятидневку и позже на шестидневку, описан автором очень содержательно. Возмущение исследовательницы, прорывающееся в ее интонации, когда она цитирует предложения или пассажи пропагандистов пятидневок и шестидневок, вполне понятно. Добавлю, что у детей 1920-х гг. «всмесь» существовали по крайней мере три календаря: старый, принятый в семье, новый, спущенный сверху государством, да еще числовой с выходными 6, 12, 18, 24, 30 числа каждого месяца, а вовсе не по воскресеньям. Вполне возможна была такая ситуация: ученик пошел в школу в воскресенье перед выходным, папа как сотрудник наркомата отдыхает, мама работает, а бабушка вернулась со всенощной. Ученик будет учиться, папа отдыхать, мама работать, а бабушка разговляться. Вместе с тем хочется спросить автора, а как учились дети родителей, которым была разрешена прерывная неделя?

Несмотря на важность и информативность разделов, посвященных пионерским календарям и их трансформации в сталинскую эпоху, остановлюсь на одной из самых важных и знаковых глав «Жизнь и время по кремлевским часам». Время и календарь исчисляется не только веками, годами, днями, но и часами и минутами. Советской власти необходимо было наполнить время своими символами, присвоить его, установить отсчет нового времени, представить советского человека носителем этого времени. Костюхина очень точно отметила, как важно было замедлить, сакрализировать время, довести его до подсчета минут — в случае процесса умирания и наступления смерти Ленина как некой строительной жертвы, нового спасителя, обеспечивающего будущее счастье со-

ветского народа. К сожалению, исследовательница не упомянула мифологизированного «залпа Авроры», призванного символизировать начало новой эры человечества, но раскрыла то, как важно было сакрализовать Октябрь и внушить это детям, показав, как это происходило, например, в злосчастных «Часах и картах Октября» Л. Савельева, где с каждым десятилетием автор изменял события, меняя Сталина на Ленина и исключая Троцкого [Там же, 309–310]. Костюхина любопытно проанализировала «часовой» дискурс Спасской башни, показав, как революционная символика курантов сменялась «борьбой за мир», а впоследствии стала единственным часовым механизмом, объявлявшим своим двенадцатым ударом начало Нового года в стране, где существует несколько часовых поясов.

Отступив от собственно календаря, Костюхина предложила интересные наблюдения над категорией времени в советской детской литературе, она показала, что читателю не предлагали жить по времени, а обязывали времени служить. Обвинение в «потере времени» становилось непростительным, предписывалось непрерывно делать что-то общественно полезное, не терять времени. После объемной «временной» вставки, рассматривающей пертурбации со временем в советском детстве, автор возвращается к повествованию о советских детских календарях, посвящая два раздела уникальным и весьма разнообразным по форме и содержанию календарям юннатов и мичуринцев, а также авторским литературно-познавательным календарям («Календари для юннатов и мичуринцев», «Календари природы Виталия Бианки и Михаила Пришвина»).

В заключении автор подробнейшим образом рассматривает главные советские календарные издания для детей: «Звездочку», «Круглый год» и «Календарь школьника». Издания эти анализируются в разных аспектах, вплоть до персон их создателей, редакционных идей и споров. Не исключено, что у читателя может возникнуть мысль, что автор излишне политизирует содержание этих календарей, подчеркивая ленинский и октябрьский «текст» в изданиях для дошкольников, младших и средних школьников, останавливаясь на том, как представлен «культ личности» и коммунистическая идеология в целом. Но это не так. Костюхина как добросовестный ученый фиксирует факты. Во времена авторитаризма количество политической информации в детской книге действительно было беспрецедентно высоким, часть из которой память читателей-детей той эпохи нивелировала и отсеяла. Как только возникает другой вектор в содержании календарей, автор замечает его и оценива-

ет, она видит в календарях и влияние оттепели, и новые правила жизни.

Книга Костюхиной сложная и многогранная, в ней одна календарная история открывает другую. Автор старается ухватить многое, и упрекать ее в том, что в исследовании не отмечены, например, детские календари по искусству, было бы несправедливо. В книге Костюхиной много интереснейшей информации — новой, большинству читателей незнакомой. Исследователю культуры русского детства двух минувших столетий без этой книги не обойтись.

Литература

Источники

Календарь 1949 — Сувенирный ежемесячный детский календарь на 1950 год «Произведения А. С. Пушкина». М.: Конд. Фабрика П. А. Бабаева, [1949].

Калинский 1877 — Калинин И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб.: Тип. В. Киршабума, 1877.

Кампе 1785 — Кампе И.-Г. Четыре времени года // Детское чтение для сердца и разума. 1785. Ч. 1, № 4. С. 58–60.

Керенский 1996 — Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М.: Терра, 1996.

Кривко, Лосева 2012 — Кривко Р., Лосева О. Месяцеслов // Большая российская энциклопедия: в 35-ти т. / под. ред. Ю. С. Осипова. Т. 20. М.: БРЭ, 2012. С. 73–74.

Исследования

Головин, Николаев 2020 — Головин В. В., Николаев О. Р. А. Шишков и «Детская библиотека» И. Г. Кампе // Русско-немецкие контакты в детской литературе XVIII–XX вв. = Russisch-deutsche Kontakte in der Kinderliteratur im XVIII–XX Jahrhundert / под ред. С. Г. Маслинской. СПб.: Росток, 2020. С. 251–301.

References

Golovin, Nikolaev 2020 — Golovin, V., Nikolaev, O. (2020). A. Shishkov i “Detskaja biblioteka” I. G. Kampe [A. Shishkov and the “Children’s Library” by I. G. Kampe]. In S. Maslinskaya (Ed.), Russko-nemeckie kontakty v detskoj literature XVIII–XX vv. [Russian-German contacts in children’s literature of the 18th–20th centuries] (pp. 251–30). Saint Petersburg: Rostok.

Valentin Golovin

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-9863-034X

“THE MUST-DOS OF EVERY DAY”: THE CALENDAR IN THE CULTURE OF RUSSIAN AND SOVIET CHILDHOOD. REVIEW OF THE BOOK BY M. KOSTYUKHINA *ALL YEAR ROUND: CHILDREN’S LIFE BY THE CALENDAR*. MOSCOW: NOVOE LITERATURNOE OBOZRENIE, 2024

The review of the monograph by Marina Kostyukhina, *All Year Round: Children’s Life by the Calendar*, published by *Novoe Literaturnoe Obozrenie* in 2024, characterizes the content and structure of the research, while also providing remarks and questions. The reviewer positively assesses the research results, emphasizing its scope and breadth of material coverage. Marina Kostyukhina examines the history of children’s calendars of the 19th and 20th centuries and offers an original interpretation. The reviewer notes some contentious interpretations and factual inaccuracies but commends the author’s enthusiasm, dynamic narrative, and unexpected perspectives and approaches to the topic of children’s calendars. Various forms and genres of printed calendars (desktop, wall, tear-off, universal, thematic, published as almanacs, and others) are analyzed and considered by the author of the monograph in the context of children’s lives in all its aspects. The author of the book pays special attention to the Soviet period, focusing not only on the calendars themselves but also on the conceptualization of the category of time as it applied to the lives of children during that era.

Keywords: culture of Soviet childhood, children’s literature, children’s calendar, Marina Kostyukhina